
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СУДЬБА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТОТАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (на примере неформальной молодежной субкультуры)

Левикова С. И.

д. ф. н., профессор кафедры философии
Московского педагогического государственного университета.
E-mail: levikovasi@inbox.ru

Национальные, локальные культуры в условиях современной тотальной глобализации испытывают сильнейшее воздействие, нацеленное на стирание всех различий между культурами и возникновение некоего единого, однотипного, безликого, что неминуемо приведет к вымиранию национальных культур. Однако неминуем ли подобный сценарий? Рассмотрению альтернативных возможностей посвящена данная статья, в которой на примере русской культуры и неформальных молодежных субкультур, входящих в нее, рассматриваются способности и возможности национальных культур противостоять разрушительному воздействию на них унифицирующей мировой глобализации.

Ключевые слова: *русская культура, глобализация, общинность, молодежные субкультуры, заимствование, адаптация, социализация, перво-символ.*

National, local cultures in the age of present total globalization experience strong influence which is aimed at eliminating all differences between cultures and emergence of something common, single-type, featureless that will inevitably lead to extinction of national cultures. Is it possible to avoid this? The present article is devoted to the alternative possibilities. By the example of Russian culture and informal youth subcultures the author considers the abilities and possibilities of national cultures for resisting destructive impact of the world globalization.

Keywords: *Russian culture, globalization, communality, youth subcultures, adaptation, socialization, prime symbol.*

Что такое русская культура и каково ее положение сегодня, в условиях тотальной глобализации? Да и можно ли вообще говорить о русской культуре как о культурно-историческом типе в его понимании Н. Я. Данилевским? Ведь те разъедающие воздействия, которым пытается противостоять русская культура как извне, так и изнутри, воздействия, спровоцированные эрой тотальной глобализа-

Век глобализации 2/2014 161–174

ции, столь сильны, что теоретически они не должны оставить в русской культуре ничего русского, растворив все в едином котле общемирового и общечеловеческого. Однако все не так просто, и на деле оказывается, что культуре не свойственна однозначность и «линейность» ответов на брошенные ей вызовы. Продемонстрировать же это я хочу на примере русской культуры, более близкой и понятной мне именно как ее представительнице.

Но что такое «русское» (в смысле культуры) и в чем оно проявляется?

Еще со времен возникновения спора между западниками и славянофилами или даже раньше – между латинствующими и старообрядцами – возникло и стало упорно поддерживаться представление, что принадлежность к русской культуре должна непременно выражаться в чем-то типа ношения кокошников и сарафанов, игры на балалайках и ложках, а также в резных наличниках на окнах, матрешках, кулачных боях, тройках лошадей да «забавах с медведями». Однако такое представление является в высшей степени упрощением и вульгаризацией, а также проявлением примитивной стандартизации сознания. Практически оно аналогично тому, чтобы сводить, например, австралийскую культуру лишь к прыгающим повсюду кенгуру да аборигенам, бросающим в них бумеранги, а немецкую культуру – к сосискам с пивом, которые в неограниченном количестве поглощают огромного размера мужчины...

Да, безусловно, каждый народ обладает определенными культурными особенностями, свойственными и характерными лишь ему. Они выражаются в том числе и в одежде, и в кухне, и в животных, которые его окружают и которых он выделяет из остальных, и в мелодике песен, и т. д. и т. п. Но вряд ли можно сводить культуру лишь к подобному «внешнему» набору. Тем более что в современных глобализирующихся социокультурных системах отмеченные особенности постепенно стираются, превращаются в своего рода архаику и перемещаются в этнографические и краеведческие музеи, отдаются на откуп различного рода народным художественным коллективам и занимают прочное место на торговых лотках сувениров для иностранцев. И вот в России уже не встретишь на улице женщину ни в кокошнике, ни в традиционном сарафане а мужчину – в лаптях и косоворотке. Разве что вдруг возникнет мода на стилизацию «под фольклор» или «а-ля-рус», да «проскочит» во внешнем облике современного человека «народный» мотив. Однако стилизация не есть оригинал. Только вряд ли следует ожидать от современного человека, что в своей повседневной жизни он предпочтет оригинал стилизации. Вот и уходят из быта русского человека в тотально глобализирующемся мире и русские национальные костюмы, и тройки лошадей, и балалайки, и многое другое. Их уже давно вытеснила одежда, в которую облачаются люди практически в любой точке земного шара вне зависимости от их принадлежности к той или иной культуре; автомобили, большая часть которых либо произведены, либо сконструированы в иных странах, заступили на место повозок, в которые впрягались живые лошади (искусственные лошадиные силы сменили натуральные, естественные), а игра на балалайке превратилась в своего рода экзотику и уступила место «международной» гитаре или синтезатору.

Но что тогда такое «русская культура»? И почему, по каким признакам человека русской культуры отличают от того, кто к ней не принадлежит? Можно предположить, что по вербальному языку, на котором тот говорит и изъясняется. Но нет. Практика показывает, что язык – это очень важный, но вовсе не достаточный элемент принадлежности к тому или иному типу культуры. Ведь сколько сейчас людей говорят, например, на английском языке, но это ничуть не связывает их с английской культурой и не делает их ближе к ней. И наоборот, возможны ситуации, когда по тем или иным причинам человек фактически утрачивал вербальный язык собственной культуры, но в то же время не отрывался от нее совсем. Здесь в качестве примера можно привести хотя бы так называемое «русское зарубежье». Конечно, оно уже не полностью соответствует той культуре, носителями которой являются люди, постоянно живущие на территории России; скорее оно представляет собой «ответвление» русской культуры, которое, будучи оторванным от национальной почвы, с одной стороны, консервирует ту культуру, которая была в России на момент их отъезда, а с другой стороны, испытывает сильнейшее воздействие той культуры, в рамках которой люди пытаются сохранить свою «материнскую» культуру.

Однако что русского осталось в русской культуре после того, как ее не только затронули, но и захватили процессы тотальной социокультурной глобализации, стирающей все различия между культурами? И если это не язык, не сарафаны с балалайками, матрешками да тройками лошадей, то что еще может быть определяющим, чтобы можно было безошибочно сказать: «Да, именно это и есть русская культура»? Скорее всего, ответ кроется в пушкинской фразе: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

У древних индусов было поверье, что бога Брахму, то есть подлинное бытие, Абсолют, полностью познать невозможно. Более того, всякая попытка это сделать будет приводить к единственному ответу: «Это не то, не то, не то...» (или, наоборот: «Это и то, и то, и то...»). Однако они же говорили, что если кувшина воды достаточно, чтобы утолить жажду, то не нужно целое озеро. Вот так же и с культурой, в частности с русской культурой: чтобы говорить о ней, не обязательно называть, перечислять все, что к ней относится.

Безусловно, русская культура была бы совсем иной, если бы не территория и географическая принадлежность, не только подпитывающие и дающие силы людям, которые ими обладают и располагают, но и выстраивающие ценности, которыми они руководствуются, в определенной иерархической последовательности. Ведь только в условиях, не позволяющих людям выжить в одиночку, могла не только возникнуть, но и поддерживаться и бережно сохраняться та общинность и коммунитарность, готовность прийти на помощь, выручить соседа (ближнего), да и не только соседа, которая является характерной особенностью человека русской культуры.

Однако эта общинность, свойственная людям русской культуры, вызвана тем, что их жизнь протекала в условиях длительных и морозных зим, прерываемых короткими периодами летнего тепла, в течение которого надлежало не только обработать землю под посев, но также вырастить и собрать урожай, в силу чего

все необходимо было делать «миром», то есть совместно, поскольку в одиночку было просто не справиться, исстари являлась не столь уж умильной и однозначной. В большой степени в ней была причина столь знаменитой разорванности русской души: индивидуалистичный от природы русский человек вынужден был жить и все делать сообща, «миром», с далеко не всегда приятными ему людьми.

Работать, выкладываться полностью, трудясь не покладая рук, а затем коротать длинные до бесконечности зимы, не зная, куда приложить свои силы. Не это ли основа для знаменитой «русской хандры»? А огромные расстояния и просторы («Степь да степь кругом. Путь далек лежит...») так и рвали сердце и вольно или невольно способствовали написанию «заунывных» песен. И все это так или иначе формировало «загадочную русскую душу».

Жизнь в условиях бескрайних просторов, щемящая красота русской природы способствовали развитию в сознании людей определенной степени непрактичности, мечтательности, той самой широты русской души, которая все еще поражает иностранцев. А еще формированию наивной доверчивости, когда не выясняют, «что», «как» и «почему», а просто «включаются», или, как сказали бы современные молодые люди, «ведутся» на что-либо.

Конечно, отмеченными моментами русская культура вовсе не ограничивается, но без этого вряд ли можно говорить о ней даже в современном ее варианте.

Процессы глобализации мирового пространства начались не сегодня и не вчера. Однако та стремительность, с которой они протекают в настоящее время, заставляет задумываться и о традиционных культурах, и о том, насколько велика вероятность их выживания в столь непростых условиях. Ведь если в конечном итоге глобализации все различия между культурами будут стерты и возникнет нечто единое, однотипное, безликое, то это будет верным путем к вымиранию культуры. Утверждать так возможно, прибегая к аналогии с биологическими существами. В биологии есть закон, в соответствии с которым невозможен лишь один вид, будь то растений, животных, насекомых или каких-либо других живых существ. Такая, хотя и фантастическая, ситуация приведет вначале к деградации, а затем к вымиранию этих существ. А потому и в животном, и в растительном, и в иных мирах необходимо как видовое разнообразие, так и наличие жертв и хищников. Хотя культура и не является биологическим феноменом, такая аналогия для нее представляется вполне корректной.

Рамки данной статьи, естественно, не позволяют рассматривать все элементы русской культуры в контексте глобализации и выявлять те процессы, которые характерны для нее в настоящее время: это тема для серьезного, основательного, многогранного и многоуровневого исследования. Однако ряд процессов возможно вскрыть и обратившись к структурным элементам современной русской культуры как системного образования. Ведь в них, как в каплях воды, отражается то, что характерно для феномена в целом, что позволяет делать выводы для него и тем самым фактически продвигаться от частного к общему. А потому далее я намеренно обращусь к очень неоднозначному социокультурному феномену неформальной молодежной субкультуры, который в рамках русской культуры при поверхностном обращении к нему кажется совсем «нерусским», инородным, при-

внесенным извне и существующим в России лишь в качестве дани моде или преклонения перед западными странами (культурами) по принципу «раз у них там есть такое, то и нам надо». Именно этот феномен в силу большого количества имеющихся в нем заимствованных у Запада элементов и внешних проявлений, с моей точки зрения, сможет наглядно продемонстрировать, способна ли русская культура устоять под натиском процессов глобализации и сохраниться как уникальное образование, переварив и подстроив под свой ритм, такт, вкус, стиль, дух приносимое извне, или же она обречена на превращение во что-либо безликое, бесцветное, однообразное, ничем не выделяющееся из будущей единой мировой культурной массы, которая явится результатом пропуска через великую «мясорубку» тотальной глобализации всех самобытных культур и дальнейшего «размазывания» этой массы по всему мировому пространству.

Итак, неформальная молодежная субкультура. Какое отношение она имеет к русской культуре, кроме того, что существует в ее рамках? И что это за социокультурный феномен? Выскажем предположения, что он:

а) просто занесен «ветром моды» в процессе глобализации или желанием прикоснуться к запретному, а может, и по какой-то иной причине, на русскую почву и существует на ней, как некое экзотическое растение, которому суждено «отцвести и умереть»;

б) занесен «ветром моды» в процессе глобализации или желанием прикоснуться к запретному, а может, и по какой-то иной причине на русскую почву, но сумел прижиться на ней и питается ее соками, разрастается и дает многочисленное потомство гибридов;

в) родился и вырос на самой русской почве, и процесс глобализации тут вовсе ни при чем, однако в силу целого ряда причин не успел обрести собственного «лица», а потому позаимствовал это «лицо» извне, но при этом сумел серьезно отойти в сторону, а потому и отличается от западных аналогов, одолживших ему это «лицо» (эти «лица»);

г) рожден и вырос на русской почве, и процесс глобализации тут вовсе ни при чем, развивался в лоне русской культуры, совершал определенные заимствования извне, однако при этом брал оттуда лишь то, что было созвучно ему и той культуре, в рамках которой он существовал, а то, что было несозвучно, но близко ему по духу, перерабатывал под свой собственный ритм, такт, вкус.

Забегая вперед, скажу, что последующие рассуждения приведут к варианту «г».

Поскольку феномен неформальной молодежной субкультуры является не чисто культурным, а балансирует на грани социального и культурного в том смысле, что причины его возникновения кроются в обществе с его проблемами, а проявляется он в основном в сфере культуры, то чтобы разобраться в поставленных вопросах, необходимо рассмотреть его социальные и культурные моменты, или составляющие, по отдельности¹. И начинать следует с социальных моментов, ле-

¹ Я вполне отдаю себе отчет в том, что культуры без общества не существует и наоборот. Недаром в ходу термин «социокультурный», связывающий эти два момента воедино. Однако есть ситуации, когда для реализации исследовательских задач и, естественно, для лучшего понимания необходимо разорвать эту

жащих в основе обозначенного социокультурного феномена. Однако предварить это рассмотрение необходимо пояснением смысла самого названия феномена, что позволит избежать непонимания и разнотолков².

Кого мы имеем в виду, когда говорим о «молодежи»? Что означает слово «неформальный»? И почему речь идет о «субкультурах»?

Слово «молодежь» хотя и однокоренное со словом «молодость», но в смысловом отношении не является тождественным ему, хотя и очень распространено представление, что молодежь – это просто слой биологически молодых людей в демографической структуре общества. Однако такое понимание чревато ошибками, поскольку сводит все к биологии и лишь к возрастным особенностям людей. Но люди – это биосоциальные существа и, кроме биологической, имеют также и социальную составляющую, которая, собственно, и делает их людьми в полном смысле этого слова. Именно эта социальная составляющая и позволила выделить молодежь в отдельную социально-демографическую категорию. При этом следует отметить, что эта категория возникла лишь в XX в., хотя биологически молодые люди были всегда и везде, во все времена. В чем здесь дело и что произошло в XX в., в том числе в России?

Из истории известно, как развивались и глобализировались общественные системы, в которых на смену малопроизводительному труду ремесленников-одиночек пришли фабрики и заводы с более производительным трудом, в основе которого сначала была механизация, затем автоматизация и далее компьютеризация. Эти процессы сопровождались усложнением производств и специализацией людей, которой необходимо было учиться. Кроме того, возникновение фабрик и заводов привело к появлению городов и, естественно, концентрации в них людей.

Все обозначенные процессы имели следствием то, что в XX в. возникла потребность в длительном периоде обучения людей. Однако длительный период обучения отмечался и ранее. Так, например, кельтские друиды учились по 25 лет. Разница состояла в том, что ранее длительно обучались одиночки, а в XX в. возникла необходимость длительно обучать практически всех³. Это привело к тому, что именно в XX в. в индустриальных обществах возник слой людей, основным занятием которых было лишь обучение. Вот они-то и были названы термином «молодежь».

тесную связь и рассмотреть данные моменты в отдельности. Это аналогично тому, как человек в том смысле, что понимается под термином *Homo sapiens*, является соединением души и тела, идеального и материального начал. Однако, например, для медицины, если речь идет не о психиатрии, душа человека не имеет большого значения, поскольку медицина занимается телом, а для поэзии не очень важно, что представляет собой тело поэта, если он пишет замечательные стихи.

² Это необходимо потому, что сверхрасширительное толкование феномена, спровоцированное и активно подогреваемое средствами массовой информации, привело к тому, что практически все, так или иначе относящееся к определенной возрастной категории, не укладывающееся в традиционные схемы, относят к молодежной (суб)культуре. Не буду здесь останавливаться на корректности или некорректности подобных действий СМИ. Дабы избежать возможности разнотолков и широты понимания, я настаиваю на том, чтобы феномен, о котором здесь идет речь, назывался «неформальная молодежная субкультура» (термин, введенный мною несколько лет назад и активно продвигаемый в научный оборот).

³ В настоящее время лишь школьное образование продолжается 10–12 лет, однако подобное образование является недостаточным. В силу этого выпускники школ продолжают обучение либо в профессиональных училищах, либо в вузах, на что уходят годы. И этот феномен является общемировым для стран, охваченных процессами глобализации.

Слово «неформальный» пришло из социологического понятия «неформальная группа». Дело в том, что в социологии различаются группы формальные и неформальные. Под формальными понимаются такие группы, которые создаются обществом для определенных целей. Напротив, под неформальными понимаются группы, возникшие спонтанно на основе субъективных потребностей, интересов, стремлений индивидов, причем интересы этих групп могут как совпадать с общественными, так и противоречить им. Эти группы могут существовать и самостоятельно, и в рамках тех или иных формальных групп. Примером последнего может быть компания ребят, сложившаяся в классе.

Таким образом, когда речь заходит о неформальных молодежных субкультурах, словом «неформальный» специально подчеркивается, что эти группы созданы самими молодыми людьми для себя. Кроме того, одним из следствий неформальности этих групп является отсутствие в них жесткой структурированности.

И третье слово в названии рассматриваемого феномена – «субкультура». В данном конкретном случае оно несет несколько значений. Во-первых, оно дает понять, что мы имеем дело с подкультурой, или культурой в культуре, а это означает, что данная культура частична, неполна и в определенном смысле зависима. При этом в случае с неформальной молодежной субкультурой данная зависимость является двойкой: от культуры вообще (если так можно выразиться и представить, что все внебиологическое, созданное человеком, представляет собой культуру как общемировое явление) и от культуры той страны, в рамках которой та или иная неформальная молодежная субкультура существует. Во-вторых, оно подчеркивает, что мы имеем дело не просто с неформальными молодежными группами (объединениями), а с группами, которые продуцируют собственную, хотя и зависимую, но все же культуру. И вот именно в этой субкультурной составляющей неформальные молодежные субкультуры и различаются.

Итак, неформальные молодежные субкультуры – это группы тех, для кого основным занятием в жизни является обучение⁴, кто самостоятельно создает эти группы для себя и себе подобных и кто в этих группах продуцирует субкультуру. При этом исследования показывают [см.: Левикова 2010], что как социальные образования все неформальные молодежные субкультуры существуют и действуют по одной схеме, обладают общими, характерными для них всеми особенностями; различаются же они только субкультурной составляющей, которая, будучи частичной, имеет в основном внешние проявления⁵.

⁴ Здесь следует оговориться, что в настоящее время неформальные молодежные субкультуры «повзрослели» биологически в том смысле, что в них стали входить и люди старше не только по возрасту, но и по своему социальному устройству. Так, среди неформалов уже нередки те, кто закончил обучение и не только приступил к работе и по привычке продолжает часть своего времени проводить в неформальных молодежных субкультурах, но и те, кто уже не один год работает, но связь с субкультурой не потерял. Происходит это по нескольким причинам, в числе которых можно назвать невозможность получить удовлетворение от работы (очень немногие виды деятельности хорошо оплачиваются, и это приводит к тому, что люди добросовестно занимаются тем, что им не по душе; на работе они зарабатывают, а отдушиной для них длительное время остается неформальная молодежная субкультура, из которой они и не думают уходить), а также поздние браки.

⁵ Безусловно, реальная жизнь намного богаче и многограннее любой схемы, в которую она не полностью укладывается, однако приходится чем-то жертвовать, чтобы уловить то общее, что позволяет говорить о чем-либо как о социокультурном феномене.

Таким образом, объективные процессы развития общественных систем привели к тому, что в индустриально развитых странах, к которым относится и Россия, появилась молодежь как социально-демографическая категория; эта молодежь стала самопроизвольно объединяться в неформальные группы и продуцировать там субкультуру. Причем обращает на себя внимание то, что так поступает далеко не вся молодежь, а лишь ее треть, да и то по самым высоким показателям и в самые «урожайные» для неформальных молодежных субкультур годы. Но тогда возникает вопрос: почему эта треть оказывается в неформальных молодежных субкультурах? Ответ на него кроется в сбое ее социализации.

Социализация – это процесс и результат усвоения и овладения индивидом социального опыта в ходе его взаимодействия и общения с социальным окружением. То есть социализация – это процесс приобщения индивида к социуму, включения его в общественную жизнь, обучения поведению в коллективах, утверждения себя и выполнения социальных ролей; это процесс усвоения человеком (как правило, молодым) определенной системы знаний, норм и ценностей. Социализация протекает как стихийно – в результате воздействия на молодого человека его окружения, так и целенаправленно – благодаря планомерному сознательному воздействию на молодого человека с целью достижения желаемого влияния и результата. Традиционно второй вариант рассматривается как воспитательный процесс. Сочетание же обоих вариантов – стихийного и целенаправленного – нацелено на то, чтобы индивид приобщался к культуре, овладевал различными необходимыми для жизни навыками и умениями и становился полноправным, полноценным членом общества.

Примерно до начала XX столетия (или второй половины XIX в.), то есть до вступления обществ в индустриальную (а тем более индустриально развитую) стадию, за социализацию молодых людей в основном отвечала семья. И здесь не имело особого значения, к какому слою общества принадлежали люди: все социализировали своих детей в соответствии с тем местом в социальной структуре, которое они занимали. Таким образом, социализация подрастающего поколения проходила в рамках семьи.

В начале XX столетия семья претерпела серьезные изменения. И в первую очередь они касались социализации, которую семья давала растущим в ней детям. Функции целенаправленной социализации в XX в. оказались поделенными между семьей и государством. Однако уже к середине столетия оказалось, что даже такое распределение обязанностей и взаимная помощь семьи и государства в лице детских и юношеских учебных и воспитательных учреждений вовсе не гарантировали идеального прохождения подростками социализации. Более того, именно инстанции, основными функциями которых было всячески способствовать молодому человеку социализироваться, чтобы во взрослую жизнь он вступил всецело готовым к этой жизни, стали давать сбой. Молодые же люди, инстинктивно почувствовав, что у них есть определенные проблемы и им чего-то не хватает, стали объединяться в группы с такими же, как они сами, молодыми людьми, и на деле компенсировать эту нехватку. А поскольку им необходимо было как-то себя чисто внешне обозначить для своих же, чтобы сразу понимать, с кем имеешь дело,

они стали нарабатывать внешние субкультурные отличия от того, что было принято и традиционно в обществе.

Как ни странно, но проблемы с социализацией детей возникают именно в семьях, где дети желанны и любимы, то есть в тех семьях, которые принято называть благополучными. Казалось бы, там ребенку дают все, чтобы ему было хорошо, но на деле оказывается, что вся проблема в мере любви к ребенку или в умении его любить. Ведь любовь к ребенку в определенном смысле жертвенная со стороны родителей, поскольку они его растят для того, чтобы он их в дальнейшем покинул и зажил своей собственной жизнью. Непонимание этого частью родителей, сверхконтроль за подростком и запрет, налагаемый на его самостоятельность, в итоге оборачиваются либо превращением их ребенка в дальнейшем в инфантильного взрослого, либо уходом этого ребенка в неформальные молодежные субкультуры, где он имеет возможность «на равных» общаться со своим окружением.

Другой вариант сбоя социализации в семье характерен для любящих родителей, которые либо ограничены в средствах и возможностях, но прилагают все усилия, хватаясь за любую подработку, чтобы их ребенок ни в чем не нуждался, либо всецело поглощены бизнесом, профессией, карьерой. В обоих случаях на деле получается, что родители превращаются для своего ребенка лишь в источник средств: дети фактически оказываются предоставлены самим себе, что рано или поздно приводит их в неформальные молодежные субкультуры, компенсирующие им нехватку семейного тепла и позволяющие опробовать хотя и игровые, но все же семейные роли.

Как ни грустно, но за редким исключением и неполные семьи не способны предоставить ребенку полноценную социализацию. И как бы родитель, с которым живет ребенок, ни любил его, он все равно не в состоянии заменить ему обоих родителей. Таким образом, дети из неполных семей инстинктивно оказываются в поиске того места, где можно своеобразно «восполнить» нехватку одного из родителей. И этот поиск очень часто приводит их именно в неформальные молодежные субкультуры.

Порой излишняя любовь родителей или симпатии окружающих также приводят к сбою социализации подростка, выражающемуся сначала в завышенной оценке ребенка окружающими, а затем уже его собственной завышенной самооценке. Происходит это из-за того, что не слишком выдающиеся способности ребенка начинают превозноситься окружающими как талант. В результате ребенок, приученный к тому, что он не такой, как все, вырастая, вдруг обнаруживает, что способности у него заурядные... В итоге подобные непризнанные обществом «гении» находят себе пристанище в неформальных молодежных субкультурах. И примечательно, что там собираются не только непризнанные «художники», «поэты», «актеры», то есть люди творческих профессий, оценка таланта которых предельно субъективна, но и непризнанные «археологи», «филологи» и т. д. Казалось бы, чего проще: подготовься, поступи в институт, отучись и работай по заветной специальности. Но на деле подобные молодые люди предпочитают публично страдать в неформальных молодежных субкультурах...

Если сбой социализации в семье, приводящий молодых людей в неформальные молодежные субкультуры, происходит в основном из-за переизбытка любви родителей к собственным детям, то сбой социализации, за которую отвечает государство, происходит по другим причинам и особенно ярко проявляется в школе. Для школ характерны в основном две разновидности сбоя социализации ребенка, прокладывающие ему путь в неформальные молодежные субкультуры. Первая связана с отношениями школьника с учителем. К сожалению, нередки случаи, когда учитель по тем или иным причинам ставит крест на ученике и начинает того всячески третировать. И если класс принимает позицию учителя и подхватывает его отношение и манеру общения с жертвой, то подросток оказывается в ситуации изгоя, не вписывающегося в нормальную жизнь и класса, и школы. Пытаясь сопротивляться возникшей ситуации, ребенок еще более усугубляет свое положение протестным поведением. При этом учителями упускается из вида, что смысл обучения и воспитания ребенка – социализация, подготовка его к взрослой жизни. Но какую реальную подготовку подросток, всеми унижаемый и третируемый, получает в таком случае? Не всякий согласится с такой ролью. И несогласные находят выход в неформальной молодежной субкультуре, где их начинают ценить за те качества, которыми они обладают в действительности.

Другая ситуация сбоя социализации в школе связана с коллективом класса, в котором учится ребенок, а также с распределением в нем неформальных ролей: «самого красивого», «самого умного», лидера и т. д. Однако если в классе, в котором роли уже распределены, появляется новичок, то ему предстоит нелегкое вхождение в коллектив: необходимо найти и занять там свое место. А если оно уже занято? Ведь совсем не факт, что имеющийся «исполнитель» определенной роли без боя уступит свое место. И если результат этого боя окажется не в пользу новичка, то он фактически будет чужим в коллективе, отвергнутым, не вписавшимся. Как правило, подобная ситуация и толкает подростков к поиску альтернативы, которую им предоставляет вхождение в неформальную молодежную субкультуру.

Однако не только школа продуцирует сбой социализации молодых людей: ведь социализация не заканчивается вместе с последним школьным звонком, и после него молодой человек должен приобретать навыки будущей профессии. Но в этот процесс часто вмешивается государство. И здесь речь идет о молодых людях, пришедших в армию по призыву, но отправленных государством проходить службу в горячих точках (или на локальные войны). Проблема заключается в том, что молодой человек проходит там действительно суровую школу: боли, крови, потери товарищей; обучается владеть оружием и наукой воевать, а также видеть во всех либо своих, либо врагов. А в это же время его одноклассники дома учатся, обзаводятся семьями, рожают детей, да просто тусуются на дискотеках. И вот когда молодой человек, прошедший школу войны, возвращается в мирную жизнь, он в нее не вписывается: его «школа» оказалась слишком отличной от того, что было у тех, кто не был в горячей точке. И если молодой человек пришел с войны без ранений, то, не найдя себя в мирной жизни, он инстинктивно начинает искать аналогичных себе людей с такой же «сбитой» социализацией. Он объ-

единяется в рамках неформальной молодежной субкультуры с аналогичными парнями и начинает «воевать» уже на своей территории, устанавливая порядки и нормы, которые ему понятны и которые действуют в условиях войны.

Можно было бы продолжить разговор о различных вариантах сбой социализации в современную эпоху глобализации и, кстати, обратить внимание на серьезно затянувшийся период учебы молодых людей, оборачивающийся для них феноменом «социального детства», когда учеба становится способом существования, а не средством достижения определенной цели, в силу чего молодые люди, привыкшие учиться, готовы это делать до бесконечности, но не готовы становиться взрослыми и самостоятельно зарабатывать на собственную жизнь. Однако какого бы варианта сбой социализации у современных молодых людей мы ни коснулись, так или иначе выйдем на социальные корни этого явления. Причем это будет характерно для всех индустриально развитых обществ, в том числе и для России, но причина будет скрываться не столько в процессах глобализации, сколько в стадиях развития общественных систем, которых те достигли.

Но тогда получается, что наличие неформальной молодежной субкультуры в рамках российской социокультурной системы имеет такое же отношение к русской культуре, как и к английской в рамках ее социокультурной системы, как и к французской в рамках ее социокультурной системы и т. п., то есть что это явление не столько культурное, сколько социальное. Культурная же составляющая неформальных молодежных субкультур оказывается практически везде заимствованной извне, разве что кроме той культуры, в рамках которой изначально появилась та или иная разновидность неформальной молодежной субкультуры. То есть имеется в виду, что, поскольку хиппи впервые появились в США, то для культуры этой страны они «свои», а для всех иных – в той или иной мере удачное заимствование; или, аналогичным образом, готика «своя» лишь для Великобритании (английской культуры); или растафари – для культуры Ямайки; или люберы – для русской культуры и т. п. То есть получается, что неформальная молодежная субкультура есть не что иное, как одно из проявлений процесса глобализации, стремительно охватившего мировое пространство. А молодые люди приобщаются к тем или иным неформальным молодежным субкультурам точно так же, как используют шампунь, автомобили и прочий ширпотреб. И тогда ничего национально-культурного в этом социальном феномене нет, и слово «субкультура» в нем означает не подкультуру национальной, в нашем случае русской, культуры, а подкультуру единого феномена неформальной молодежной субкультуры, являющемуся в свою очередь подкультурой для мировой глобальной культуры.

Однако на деле все оказывается намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Реально феномен неформальной молодежной субкультуры за десятилетия своего существования (а его история берет начало в 40-х гг. XX в. в США) пережил множество собственных разновидностей. За более чем семь десятилетий каких только вариантов неформальных молодежных субкультур не возникало, не существовало и не прекращало своего существования. Однако лишь часть из них превращалась в международные, остальные же оставались и остаются чисто локальным явлением и достоянием лишь собственной культуры (напри-

мер, люберы в России). Более того, далеко не все международные неформальные молодежные субкультуры приживаются во всех индустриально развитых странах. Ведь сколько у нас на слуху сейчас неформальных молодежных субкультур, которые можно найти не только в нашей стране, или, вернее, которые, прежде чем прорасти в нашей культуре, развивались на совсем иной почве? В лучшем случае назовем с десяток, а может быть, и того меньше. Безусловно, вряд ли сейчас найдется человек, который хотя бы не слышал о байкерах, хиппи, панках, готах и эмо; а вот с растафари будет уже сложнее, и упоминание о них может вызвать вопрос: «А это кто такие?» И это при том что растафари является одной из самых крупных международных неформальных молодежных субкультур.

Так в чем же дело и что происходит с неформальными молодежными субкультурами теперь уже в собственно культурном смысле этого слова? Почему одни из неформальных молодежных субкультур остаются локальными, а другие превращаются в международное (межкультурное) явление? Почему не все международные неформальные молодежные субкультуры приживаются во всех индустриально развитых странах, охваченных глобализацией? И можно ли говорить о существующих в России неформальных молодежных субкультурах как о проявлении, хотя и достаточно своеобразном, русской культуры? И если «да», то что дает основания утверждать, что это так?

Итак, возникла масса вопросов, ответы на которые позволят прояснить судьбу как русской, так и других национальных культур в условиях тотальной глобализации, а также лучше понять сам феномен неформальной молодежной субкультуры.

В начале XX в. немецкий философ Освальд Шпенглер в книге «Закат Европы» изложил собственное видение культуры, выделил типы существовавших и уже отживших свой срок культур, определил их особенности и возможности взаимодействия с другими типами. Положения, выдвинутые Шпенглером, представляется возможным распространить и на неформальные молодежные субкультуры в их отношении с традиционными культурами, в рамках которых они существуют и, конкретно, в отношении «с» (и «к») русской культурой. Поэтому я вкратце напомню некоторые идеи Освальда Шпенглера.

Противопоставляя понятия «культура» и «жизнь», Шпенглер понимал под культурой внешнее проявление внутреннего строя души народа, стремление коллективной души народа к самовыражению. В этом смысле культура не тождественна разуму, она возникает из устремления к «космичности», что передается в «такте», «ритме», «тональности» переживания коллективной души. Каждой культуре присуще первичное мироощущение, «первосимвол», из которого протекает все богатство ее форм. Историко-культурный тип замкнут в себе, существует обособленно, изолированно. Культура живет собственной, особой жизнью, культивируя свой «такт», «ритм», «вкус», «тональность». Она ничего не может воспринять от других культур. Не существует исторической преемственности, влияния или заимствования. Новая молодая культура, воспринимая влияние какой-либо другой, немедленно подчиняет воспринятое ей своему «ритму», «такту», «вкусу». Культуры самодостаточны, а потому диалог между ними невозмо-

жен. Человек, принадлежащий к определенной культуре, не только не может воспринять иных ценностей, но и не в силах понять их. Все нормы духовной деятельности человека имеют смысл только в рамках определенной культуры и значимы только для нее. Каждый тип культуры с неизбежностью судьбы проходит одни и те же жизненные этапы (от рождения до смерти), порождает одни и те же явления, окрашенные, однако, в своеобразные тона, присущие только ему [Шпенглер 1993].

Отдавая дань великому ученому, спустя почти столетие с момента изложения им этих идей хочется принять лишь часть из них. Безусловно, в контексте глобализации забавно звучат положения об отсутствии диалога культур, их взаимовлияния или заимствований. Однако положение о том, что культура является внешним проявлением внутреннего строя души народа, стремлением коллективной души народа к самовыражению, нельзя обойти стороной. Ведь, действительно, все попытки определить, что есть культура, выводят на некое духовное выражение, сводимое, в частности для русской культуры, к пушкинскому «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», о чем шла речь в начале статьи. То есть стремление дать ответы на поставленные выше вопросы неминуемо упрется в духовное созвучие. Именно этим и объясняется, с моей точки зрения, то, почему при наличии всех социальных условий одни международные неформальные молодежные субкультуры в той или иной культурной среде приживаются, а другие – нет. Так, например, в рамках английской культуры возникли такие неформальные молодежные субкультуры, как теддиз и готика. Однако в русскую культуру вошла лишь готика, своей мечтательностью и депрессивностью («хандрой») столь близкая ей. Также русская культура «с радостью» для молодых людей 90-х гг. XX столетия приняла, казалось бы, совсем инородную для себя «черную» субкультуру растафари. Но на деле оказалось, что и мелодика музыки регги этой неформальной молодежной субкультуры, и та откровенная обломовщина, и мечтательность растаманов, да и их стремление существовать «миром», общиной (коммуной) максимально близки русской культуре. Практически то же произошло и с хиппи как неформальной молодежной субкультурой, пришедшей из Соединенных Штатов Америки. А вот хипстеров и битников родом из тех же США русская культура не приняла⁶.

Более того, возвращаясь к Шпенглеру, следует обратить внимание и на его положение, что культуры живут собственной, особой жизнью, культивируя свой «такт», «ритм», «вкус», «тональность»; воспринимая же влияние какой-либо другой культуры, они немедленно подчиняют воспринятое своему «ритму», «такту», «вкусу», «тональности». Именно это в настоящее время и демонстрируют неформальные молодежные субкультуры, пришедшие в русскую культуру извне. Вначале они более похожи на некую карикатуру или плохую копию с оригинала, однако со временем происходит переработка «занесенного», но созвучного русской культуре, в результате чего лишь формально приходится говорить о чужеродности той или иной неформальной молодежной субкультуры. Например, сегодня

⁶ Здесь речь идет о классических хипстерах 50-х гг. XX в., а не об ином явлении, для которого сейчас реанимировали слово «хипстер».

уже вряд ли кто-либо додумается завести разговор о том, что хиппи в России копируют Запад; они уже давно наши, русские.

Итак, есть все основания надеяться, что даже в условиях тотальной глобализации русская культура не только выживет, но и сохранит свой особый дух, а также «такт», «ритм», «вкус», «тональность». Об этом, в частности, свидетельствует и культурное своеобразие феномена неформальной молодежной субкультуры, существующего в рамках русской культуры.

Заканчивая статью, хочется еще раз вернуться к вопросу, поставленному в ее начале: «Каково положение русской культуры сегодня, в условиях тотальной глобализации?» Ответить на него можно так: она есть и будет, пока жив ее дух. Ответственность же за его сохранение лежит на нас.

Литература

Левикова С. И. Неформальная молодежная субкультура. М. : Вузовская книга, 2010. (Levikova S. I. Informal youth subculture. Moscow: Vuzovskaya Kniga, 2010).

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск : Наука, 1993. (Spengler O. The decline of the West. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 1993).